

ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ: ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ

Что испытывает артист, дающий сольный концерт, каковы трудности и радости его профессии?

Может быть, не каждый слушатель знает, как много требуется от исполнителя, чтобы дать сольный концерт. Он один будет весь вечер предметом внимания целого зала — и в этом исключительность его положения. Его приходят судить. Им приходят восхищаться. Его стул у рояля — это и трон, и скамья подсудимого одновременно.

Сейчас он выйдет на сцену, и начнется очередное «испытание огнем и мечом». И, несмотря на годы концертного стажа, несмотря на исполнительский опыт и мастерство, все равно каждый сольный концерт — это испытание, требующее полной отдачи и напряжения всех сил. Не всегда удается быть до конца свободным на сцене. Мешает волнение, «зжатость», которую иногда так трудно преодолеть...

— Но позвольте, — скажут мне, — это ведь профессия! Кто не призван к сцене, тот и не должен на нее выходить!

А вы помните суровое лицо Владимира Софроницкого, когда он выходил на сцену?

Вы помните, каким он порой бывал скованным, особенно в начале концерта? Как он постепенно преодолевал этот «спазм» волнения и становился самим собой?

И все, кто знал и любил его, с сочувствием ждали этого чудесного «раскрепощения».

Незабвенный Софроницкий!

Ему совсем нелегко давалось общение с залом. Ведь он никогда не был «общительным» пианистом. Но как горячо любила публика его гордый и одухотворенный артистизм!

Публика чутка. Она прощает пианисту очень многое: и волнение, мешающее технической точности, и эмоциональную скованность в начале концерта, пока еще не достигнута свобода в общении с залом...

Публика может многое простить, если она чувствует за всем этим яркую артистическую личность. Но публика никогда не простит скучного, профессионально **сделанного** и внутренне неинтересного исполнения.

Публика, пришедшая в концертный зал, испытывает острую необходимость в исполнителе, который был бы для нее по-настоящему интересен богатством своего внутреннего мира.

Именно об этом говорил знаменитый поль-

ский пианист Артур Рубинштейн на встрече с коллективом Московской консерватории. «Если пианист выходит на сцену и «достает из кармана» безупречную и хорошо подготовленную программу, этого еще недостаточно, чтобы публика полюбила его. Он должен в каждом своем концерте пролить «несколько капель свежей крови». Тогда он — артист. И публика это всегда слышит и чувствует».

Какое замечательное, часто неожиданное, но всегда закономерное взаимодействие! Отсутствие контакта между публикой и артистом тягостно для обеих сторон. Самочувствие исполнителя

Основатель первой в России консерватории, прославленный русский пианист, дирижер и композитор Антон Рубинштейн писал:

«Бывают художники, которые обнаруживают изумительные достижения, даже непогрешимы в своем искусстве, но влияние которых на публику ограничено или совсем ничтожно. Другие, чье творчество, напротив, обладает многими недостатками, восхищают, однако, публику. Похоже на то, что публика, воспринимая художественное явление, подчиняется какой-то магической силе, что личность художника имеет значительный вес при оценке его искусства, что

заставить его говорить, и одновременно поразительно красноречивым на языке музыки. Талант к искусству — способность мыслить и чувствовать именно языком этого искусства. Но все-таки это обязательно способность и мыслить, и чувствовать (одного недостаточно!). Ни эмоциональная, ни интеллектуальная бедность с настоящим талантом несовместимы. Богатая эмоциональная жизнь непременно сочетается в нем с глубиной и своеобразием интеллекта. А без этого ничего по-настоящему ценного родиться в искусстве не может. Именно это и лежит в основе всякого человеческого таланта, некий духовный потенциал личности, который раскрывается нам на языке того искусства, к которому призван человек. Таков бесконечно сложный и одновременно простой комплекс человеческих дарований, который подразумевается под словом «артист».

В сущности, любой творческий дар в конечном счете имеет целью отдать все собственное и самое дорогое людям. Тогда талант осознается как неодолимая потребность творить не за награду, а ради самого творчества, ради служения. Выход на сцену с сольным концертом — важный этап артистической биографии, экзамен, на котором проверяется мера глубины и серьезности этого служения музыке. А служение всегда призывает человека к отдаче до конца. Оно, говоря словами поэта, «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез». И каждый, кто остается один на один с самим собой перед выходом на сцену, хорошо знает, что это такое. Ведь перед сольным концертом каждый из нас говорит с самим собой и выходит на сцену, понимая, что он сейчас открыт людям весь до конца — и в хорошем, и в плохом, виден полностью со всеми своими индивидуальными чертами. Слушатель, пришедший вечером в концертный зал, видит и слышит все, из чего складывается человек.

И для любителей музыки, понимающих ее сокровенный язык, сольный концерт большого артиста — плодотворная встреча с яркой творческой индивидуальностью. Встреча, которая обогащает внутренний мир слушателей, раздвигает перед ним горизонты прекрасного, подлинно человеческого.

СОЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

Сегодняшнюю четверговую беседу ведет профессор
Московской консерватории, заслуженная артистка РСФСР
Вера Васильевна ГОРНОСТАЕВА

теснейшим образом связано с реакцией зала. Он сразу же воспринимает живой ток, идущий к нему от публики. Ее заинтересованное, чуткое внимание, готовность к сопереживанию, вдохновляют артиста, помогают творческому самоощущению.

В глубоком и сложном взаимопроникновении — общении артиста с залом — чрезвычайно важным становится вопрос об отражении личности исполнителя (имеется в виду вся совокупность этического, эмоционального, интеллектуального) в его искусстве.

Воспитание, образование, темперамент, характер — все это, безусловно, «слышно» в игре музыканта. И еще одна (может быть, самая важная) сторона проявления личности артиста в его искусстве — этическая.

существует еще некий «моральный магнетизм».

Существует ли? Конечно, существует! И более того, степень этого «морального магнетизма» определяет масштаб личности артиста. Думается, что в определении того, что есть вообще артистический талант, пришлось бы одной из важнейших сторон считать все тот же «моральный магнетизм».

И в самом деле, что такое талант? И можно ли попытаться объяснить это удивительное человеческое свойство словами? Скорее всего, до конца нельзя. В таланте всегда остается нечто необъяснимое, потому он и талант.

Каждое искусство имеет свой язык. Музыкант, наделенный настоящим артистическим талантом, прежде всего чувствует образное богатство языка музыки. Он может быть косноязычным, если